

Николай Леонов, Алексей Макеев

Бархатное убийство

*Часть сборника
Бархатное убийство (сборник)*

Полковник Гуров

Николай Леонов

Бархатное убийство

«ЭКСМО»

2013

Леонов Н. И.

Бархатное убийство / Н. И. Леонов — «Эксмо»,
2013 — (Полковник Гуров)

"Солнце садилось. Последние лучи его легли на вершины стройных кипарисов, на склон горы, где расположились домики поселка, окрасив их в багряный цвет. А здесь, вблизи моря, где находилась вилла «Аркадия», уже лежала густая тень. На скамейке, что стояла на самой верхней террасе прилегающего к вилле парка, сидели двое: Петр Тишкин, молодой человек 28 лет, высокий, но сутулый, с несколько мечтательным выражением лица, и его тридцатипятилетняя сестра Настя. Хотя они могли видаться и в течение дня, оба ценили этот вечерний час, когда им выпадала возможность побыть наедине, поговорить..."

© Леонов Н. И., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	20
Глава 6	24
Глава 7	27
Глава 8	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Николай Леонов, Алексей Макеев

Бархатное убийство

Глава 1

Солнце садилось. Последние лучи его легли на вершины стройных кипарисов, на склон горы, где расположились домики поселка, окрасив их в багряный цвет. А здесь, вблизи моря, где находилась вилла «Аркадия», уже лежала густая тень.

На скамейке, что стояла на самой верхней террасе прилегающего к вилле парка, сидели двое: Петр Тишкин, молодой человек 28 лет, высокий, но сутулый, с несколько мечтательным выражением лица, и его тридцатипятилетняя сестра Настя. Хотя они могли видаться и в течение дня, оба ценили этот вечерний час, когда им выпадала возможность побыть наедине, поговорить.

– Слушай, а Егор Борисович не говорил, когда мы назад в Москву вернемся? – спросила Настя.

– Нет, о возвращении речь пока не идет, – покачал головой Петр. – Сама подумай, как он может сейчас вернуться? Строительные работы в самом разгаре. Мало того, сейчас еще проверка идет. Вон, в Красной Поляне сколько приписок нашли, головы уже полетели. А ведь там такие зубры! Мы по сравнению с ними – мелкая сошка, и если у нас какое упущение найдут – запросто могут разорвать контракт. Нет, пока все не успокоится, пока хотя бы большая часть работ не будет выполнена, мы в Москву не вернемся.

– Что ж, и зимовать здесь будем? – недовольно произнесла сестра.

– Может, и так.

– Знаешь, я с Сашей-садовником разговаривала и с Константином Семеновичем. Они говорят, что зимой здесь неуютно. И свет то и дело отключают, и дорогу заваливает.

– Ну, темнота нам не грозит, – заметил на это Петр. – Вон, в подвале генератор стоит. Нужно будет – половину поселка можем светом обеспечить. Да и дорогу Егор Борисович может расчистить. Перебросит часть техники с одного из объектов – и расчистит. А что это тебе в Москву вдруг захотелось? В рестораны ты не ходишь, в клубы тоже. Наоборот, природу любишь. А тут кругом сплошная природа. Чувствуешь, какое благоухание?

– Да, природа здесь замечательная, – согласилась Настя. – Только у меня сердце почему-то не на месте. Все время жду, что какая-то беда случится. А ты ведь знаешь, мои предчувствия в основном сбываются, интуиция меня редко подводит.

– Да, ты у нас вроде ясновидящей, – кивнул Петр. – А вот у меня никаких таких предчувствий нет. Мне здесь хорошо. Природа – прямо как в Италии. Кипарисы, лавр... Море шумит... Нет, я не хочу уезжать. К тому же в свободное время читаю римских авторов – Вергилия, Катулла...

– Опять ты с книжками да с книжками, – заметила сестра. – Лучше бы в поселок сходил, на танцы. Или просто в санаторий заглянул, познакомился бы с кем...

– Это с кем же? – усмехнулся Петр.

– С девушкой какой-нибудь. Ты и в Москве один, и здесь. Что, всю жизнь один проживешь?

– Почему же один? У меня ты есть!

– Ну тоже сказал! – улыбнулась Настя. – Маму я тебе, худо-бедно, могу заменить, и заменила, пока ты маленький был, а жену заменить не могу. Она бы за тобой присмотрела, позаботилась... Вон на тебе костюм новый, модный, а рубашка несвежая. Костюм такой модняцкий, что тебя в нем за Егора Борисовича принять можно.

– А ведь ты угадала! Костюм не мой, Егора Борисовича. Он сегодня, когда уезжать собирался, вдруг говорит: «Надевай, Петр. Мы с тобой одного роста, тебе подойдет. А мне маловат стал».

– И ты согласился? – удивилась Настя.

– Меня это немного покорило, – признался Петр. – Ты ведь знаешь, я таких вещей не люблю. Но он ведь от чистого сердца. Ладно, думаю, надену пару раз, а больше не буду.

– Да, наверное, ты правильно решил, – сказала сестра. – Смотри, солнце село. И как быстро темнеть стало! У нас не так... Темно, а все равно хорошо. Давай еще посидим.

– Нет, не могу, – решительно ответил Петр. – Мне еще надо с документами поработать, обращение в министерство подготовить. А ближе к двенадцати должны подъехать подрядчики, им надо деньги отдать – Егор Борисович просил.

– А сам он где?

– В Адлер поехал, переговоры вести о поставке щебня. Сказал, вернется только после полуночи.

– Он же вроде не собирался? – недоуменно покачала головой Настя. – Наоборот, велел мне сауну истопить, сказал, что париться будет. И Сергей, водитель, здесь, я его только полчаса назад видела. Кто же тогда машину повел?

– А он сам за руль сел, – объяснил Петр. – Понимаешь, он уехал потихоньку, чтобы с Татьяной не объясняться. Говорит: опять привяжется, не отлипнет.

– Да, что-то у них на этот раз размолвка затянулась... Не нравится мне это.

– Ну, а мне все равно. С Татьяной или без нее – лишь бы дело шло. Ну, ладно, я пошел. Если что, я у Егора Борисовича в кабинете.

– А я пойду тогда сауну выключу, – сказала Настя. – Да и лягу, спать уже хочется.

Брат с сестрой спустились к вилле, там и расстались: Петр вошел в здание и поднялся на третий этаж, в кабинет своего шефа – владельца группы строительных компаний «Перспектива» Егора Кривулина, у которого он служил секретарем, а Настя отправилась в пристройку, где находилась сауна.

Кабинет Кривулина не был заперт – Егор Борисович заявлял, что доверяет своему персоналу и уверен, что в его отсутствие никто, кому не положено, в кабинет не войдет. А положено было входить лишь Тишкиным – Петру, чтобы работать, составлять и отправлять документы, и Насте, чтобы проводить уборку.

Войдя, Петр включил настольную лампу (антикварная вещь: греческий сатир, догоняющий нимфу, их фигуры служили опорой для матового стеклянного шара) и сел к столу. Прочитал несколько отчетов, присланных подрядчиками, затем включил компьютер и начал составлять обращение в министерство.

В доме было тихо, только откуда-то со второго этажа доносилась негромкая музыка – видимо, Татьяна, молодая топ-модель, очередная любовница Кривулина, включила телевизор. Все в доме знали, что она обожает мелодрамы и музыкальные программы и смотрит только их. А еще через открытое окно с площадки перед домом доносились два мужских голоса. Тишкин прислушался и понял, что это управляющий усадьбой Константин Семенович Чанба с кем-то беседует. Скорее даже не беседует, а выговор делает. Собеседника управляющего было почти не слышно, и Тишкин не мог определить, кто это. «Наверное, он охранника Бориса распекает», – решил секретарь.

Старинные напольные часы за спиной Тишкина ожили и мерно отбили одиннадцать ударов. Между ударами ему вдруг послышался еще какой-то звук – словно кто-то скребся в дверь. Как кошка, старающаяся ее открыть. Однако кошки в доме не было, а овчарка Багира в дом не заходила. Тишкин оглянулся, но никого не увидел.

«Ну вот, скоро подрядчики должны за деньгами приехать», – подумал Петр открывая левую тумбу стола. Показалась металлическая дверца. Это был так называемый «ближний

сейф», который использовался для хранения небольших сумм, на текущие расходы. Помимо самого Кривулина, ключ от сейфа имелся также у Тишкина. Он достал небольшой изящный ключ, открыл сейф и извлек из него три конверта, в которых лежали деньги для подрядчиков. Две суммы были небольшие – в 170 и 230 тысяч рублей, а вот в третьем конверте лежали уже солидные деньги – миллион шестьсот тысяч. Тишкин быстро просмотрел конверты, убедился, что деньги на месте. Подумав, переложил конверты в верхний ящик стола, а сейф запер. Придут подрядчики – он им сразу все выдаст, не станет задерживать. И показывать, где находится сейф, тоже не станет. Как говорится, береженого бог бережет.

Закрыв стол, Тишкин вернулся к работе. Он как раз начал набирать фразу «Участок дороги между Красной Поляной и Адлером в настоящее время готов на...», когда снова услышал за спиной какой-то звук. Петр хотел обернуться, чтобы посмотреть, но не успел – чьи-то сильные руки обхватили его сзади и набросили на шею веревку. Тишкин рванулся, стараясь освободиться, пытался позвать на помощь, но ему это не удалось – противник оказался гораздо сильнее его. Горло сдавило, дышать стало нечем. Из последних сил Петр дотянулся до веревки, схватился за нее, но сил, чтобы ослабить удавку, у него уже не было...

Глава 2

Погода с утра выдалась превосходная: солнце, легкий ветерок с моря. Можно весь день провести на пляже, купаться, загорать, сыграть две-три партии в волейбол с другими отдыхающими. А можно отправиться в какую-нибудь экскурсию, например, на знаменитое озеро Рица или в не менее знаменитые карстовые пещеры близ Гагр. Они туда с Марией накануне планировали съездить.

Однако ни одна из этих возможностей Гурова не прельщала. И настроение у него с утра пасмурное, совсем не под стать погоде. Хотя, казалось бы, что такого случилось? Ну да, жену срочно вызвали назад в Москву – оказалось, что труппе пришло приглашение на гастроли в Англии и надо срочно отрепетировать новый репертуар. Пришлось Марии спешно собираться, и вчера ночью Гуров проводил ее на аэродром.

Ну и что с того? Ведь это жену отозвали с отдыха, а не его. У него, впервые за много лет, все складывалось как положено. Никакое ЧП в последний момент не случилось, генерал Орлов не вызвал, не попросил «в последний раз» отложить поездку к морю и заняться очередным запутанным делом. И путевку достали в тот самый санаторий МВД в поселке Солнечная бухта, в котором Гуров мечтал отдохнуть. Причем достали на то самое время, о котором Гуров и Мария мечтали – на начало сентября. В самый бархатный сезон!

Другие мужики, наоборот, радовались бы, что все так сложилось. На юге – и один, без жены! Да что радовались – прыгали бы от счастья! Кругом полно милых девушек и дам, и не одна уже останавливала свой взгляд на высоком, атлетически сложенном полковнике полиции. Но вот так уж Лев Гуров устроен: без жены отдых ему был не мил. А что касается романов на стороне, что курортных, что каких других, он их отродясь не заводил. Да, таким его природа задумала – однолюб, и ничего с этим не поделаешь.

Поколебавшись, Гуров решил провести сегодняшний день на пляже. Натянул плавки, надел купальный халат (голышом по санаторию, как некоторые, он никогда не ходил – считал неприличным), взял полотенце и уже шагнул к двери, как вдруг в нее постучали.

«Кого это еще несет?» – подумал он, а вслух сказал:

– Войдите, открыто.

Дверь открылась, и в комнату вошел человек в дорогом летнем костюме. За спиной вошедшего маячил бритоголовый верзила, по виду – телохранитель.

– Вы – Лев Иванович? – спросил вошедший.

– Да, я, – ответил Гуров, причем у него возникло нехорошее предчувствие, что его отдыху пришел конец.

– У меня к вам одно важное и совершенно неотложное дело, – сказал визитер. – Можете уделить мне минут десять?

– Десять минут, так и быть, уделю, но на большее не рассчитывайте: я сюда отдыхать приехал, а не по делам.

– Я понимаю и прошу меня простить, что отвлекаю от отдыха. У меня действительно неотложное дело. Можно присесть?

– Садитесь, – махнул рукой в сторону стула Лев. Сам сел на кровать.

– Я – Кривулин, Егор Борисович, – начал посетитель. – Может быть, слышали? Нет? Я – владелец группы строительных компаний «Перспектива». Мы строим множество объектов по всей России и за границей. В частности, строим олимпийские объекты здесь, в Сочи, а также в Красной Поляне.

– Если речь идет о приписках, краже материалов и таком прочем, то я этим не занимаюсь, – предупредил Гуров.

– Нет, речь идет о гораздо более серьезных вещах, – заверил его Кривулин. – Если точнее – об убийстве.

– Вот как? И кто же убит? И где?

– Этой ночью был убит мой секретарь Петр Тишков, – объяснил Кривулин. – Убийство произошло на вилле «Аркадия». Это здесь неподалеку – вон за тем мысом.

– Но ведь местная полиция наверняка уже начала расследование, – заметил Лев. – Я-то зачем нужен?

– Да, ко мне на виллу уже приезжала оперативная группа, – согласился предприниматель. – Открыли дело, изучили место преступления, все честь по чести... Но я совсем не уверен, что они найдут убийцу, и это меня тревожит. Совершить преступление мог только человек, живущий на вилле. Посторонних в это время там не было, я ручаюсь. Вилла у меня хорошо охраняется, забраться туда незамеченным никто не сможет. А если убийца – свой, то под угрозой оказываются все, кто там живет. Кто может гарантировать, что он не совершит нового убийства? Я опасаясь за свою жизнь – вот причина, по которой я к вам обратился. Вы – человек известный. Мне о вас многие рассказывали – и полковник Пилипчук из ФСБ, и референт министра... Так что, когда я услышал, что вы здесь отдыхаете, то сразу подумал: «Вот кто может мне помочь!» Помогите, Лев Иванович, раскройте это убийство, уж я в долгу не останусь!

– Насчет «долгов» – это вы бросьте, – решительно заявил Гуров, – мне родное министерство платит! И мне кажется, у вас есть еще какая-то причина, почему вы ко мне обратились, только вы не хотите о ней говорить.

– Вы – проницательный человек, Лев Иванович, от вас ничего не скроешь! – развел руками Кривулин. – Да, такая причина есть. Понимаете, я веду дела с местными подрядчиками. И оплата работ зачастую идет помимо кассы, наличными, то, что называется «чистый кэш». Платят они с этих денег налоги или не платят – это не моя забота. Им так удобнее, и я должен к ним приспособливаться.

– Все понятно, – кивнул Гуров. – Непонятно только, какое отношение это имеет к убийству?

– Самое прямое. В тот вечер, когда Петра убили, он находился в моем кабинете, ждал подрядчиков, чтобы отдать им деньги за выполненную часть работ. Всего было три конверта, на общую сумму в два миллиона рублей. Так вот, эти конверты пропали. Скорее всего, это ограбление, а Петра убили, потому что он там находился. Но рассказывать об этом местной полиции я не хочу, они сразу заинтересуются моей финансовой отчетностью, затеют десятки проверок... Я закон не нарушаю, поверьте, но если начнут проверять, у меня вся работа остановится. Вот почему я хочу, чтобы расследование провели вы. Вы будете искать не финансовые нарушения в работе Кривулина, а убийц Петра Тишкина.

– Но у вас есть еще один выход, – продолжал возражать Гуров. – Если вы опасаетесь за свою жизнь, почему вам в таком случае не уехать отсюда? Вернитесь в Москву – вы ведь там живете, верно? Вряд ли все, кто работает на вилле, поедут с вами.

– Да, из моих постоянных слуг здесь только горничная Настя – она, кстати, сестра погибшего, да еще телохранитель, он же шофер, Сергей, – он за дверью стоит. Повар Алексей, правда, тоже московский, но я его нанял только на это лето, с собой привез. А что касается остальных – егеря, садовника, управляющего, – то они все местные, и со мной, если я надумаю вернуться в Москву, конечно, не поедут, в этом вы правы. Но я не хочу уезжать! У меня здесь полно работы! Почему я должен пасовать перед каким-то мерзавцем, убившим моего секретаря?

Последние слова Егор Кривулин произнес с искренним чувством, его глаза сверкнули гневом, и это вызвало невольное уважение Гурова.

– Хорошо, я понял, что вы не хотите уезжать, но в то же время хотите чувствовать себя более уверенно, – сказал он. – У вас здесь, как вы говорите, много работы. Но я-то приехал не работать, а отдыхать. Вы хотите, чтобы я ради вашего спокойствия сломал все свои планы?

– Нет, не только ради моего спокойствия! – покачал головой предприниматель. – Я как-то не о том начал говорить... Для меня еще очень важно найти и наказать убийц Пети. Это был такой замечательный парень! Такой, знаете, тихий, книжный – это теперь редко встречается. И при этом – отличный работник! Он, видите ли, круглый сирота, Настя, его сестра, была ему вместо матери... Я хочу, чтобы его убийца понес заслуженное наказание!

На это Гурову возразить было нечего. Говорить что-нибудь вроде «Я отдыхаю, и гори все вокруг синим пламенем» у него язык не повернулся бы. Кроме того, он чувствовал, что история, рассказанная Кривулиным, начинает его интересовать. В нем проснулся сыщицкий азарт – хорошо знакомое чувство, которое овладевало им в начале каждого расследования. «В конце концов, я еще пятнадцать минут назад не знал, чем заняться, – подумал Лев. – Все равно без Марии мне отдых не будет в радость. Так чем маяться от безделья, не лучше ли взяться за это дело?» А вслух произнес:

– Хорошо, давайте съездим. Посмотрю, что и как. Но обещать вам я ничего не собираюсь.

– А и не надо ничего обещать! – воскликнул обрадованный предприниматель. – Давайте съездим! До моей «Аркадии» доедем буквально за десять минут!

Глава 3

– Нет, если поедem, то сначала не на виллу, – остановил его Гуров, а в морг, мне нужно осмотреть тело убитого. А затем в полицию, поговорить с оперативником, который ведет это дело.

– Тогда это поездка не на десять минут, – ответил Кривулин, – придется ехать в Лазаревское – мы относимся к тамошнему участку. Дознание проводит капитан Синичкин, Алексей Петрович, а следователя зовут Новиков Тарас Григорьевич. Я туда ехать не хочу – зачем? Все, что нужно, я им уже рассказал. Давайте сделаем так. Я вам отдам свою машину вместе с водителем, вы на ней быстро доедете до Лазаревского. Серега у меня ас, ездит так, что ему впопору в гонках участвовать. А я вернусь на виллу на такси.

– Что ж, не возражаю, – согласился Гуров.

Они вышли в коридор. Там, подпирая стену, ждал хозяина охранник. Это был человек лет тридцати с жестким, не улыбочивым лицом.

– Вот, Сергей, это полковник Гуров, Лев Иванович, – представил Кривулин охраннику своего спутника. – Отвезешь его в Лазаревское, в полицию, а потом – куда Льву Ивановичу будет нужно. В общем, на сегодняшний день поступаешь в его распоряжение.

Водитель не произнес ни слова. Молча повернулся и направился к лестнице, а затем вниз, к машине.

– Вы не смотрите, что он такой угрюмый, – шепнул Гурову Кривулин. – Зато водитель хороший и телохранитель тоже. У нас была парочка эпизодов, когда требовалась его защита, и он себя показал с лучшей стороны.

– Да я и не смотрю, – ответил Гуров. – Мне с ним детей не крестить.

На улице они расстались: Лев сел в машину предпринимателя – серебристый «Лексус», сверкавший на солнце, а Кривулин принялся вызывать такси. Едва Гуров закрыл дверцу, водитель тронул машину с места, резко набрав большую скорость, и до самого Лазаревского ни о чем не спросил, не произнес ни слова.

Войдя в полицейский участок, Лев спросил, где ему найти капитана Синичкина.

– Второй этаж, двадцать шестая комната, – сказал дежурный.

Гуров поднялся на второй этаж, нашел нужную комнату и открыл дверь. В кабинете сидели двое: парень лет двадцати пяти, в джинсах и спортивной майке, и девушка в полицейской форме. Оба старательно что-то набирали на компьютерах.

– Это вы капитан Синичкин? – спросил Гуров у парня.

– Да, я, – ответил тот.

– Я – полковник Лев Гуров, из Москвы, – представился Гуров и показал свое удостоверение.

Парень и девушка оторвались от своих компьютеров и уставились на него.

– Гуров? Тот самый? – удивленно проговорил оперативник, изучая удостоверение. – Очень рад! А вы у нас что, с проверкой? Да вы садитесь, садитесь! – спохватился он, придвигая Льву стул.

– Нет, я не с проверкой, – ответил Лев, садясь. – Я с расследованием. Меня тут попросили помочь в расследовании одного убийства.

– А, это вас, наверное, Кривулин попросил? – догадался Синичкин. – Хочет, чтобы вы провели следствие по делу об убийстве его секретаря?

– Верно, – кивнул Гуров, удивляясь прозорливости капитана. – А как вы узнали?

– А он, пока мы там все осматривали, уже высказывался в том смысле, что это дело не для нас, – усмехнулся Синичкин. – Не нашего ума, значит. Хотя я догадываюсь, почему он хочет нас от этого расследования отстранить. У меня есть сведения, что наш строитель наличкой

пользуется и соответственно налогов не платит. Вот он и не хочет, чтобы мы в его финансовых делах разбирались, поэтому к вам и обратился. А вы что же, прямо из Москвы по его вызову прилетели?

В последней фразе Гурову послышалось явное разочарование. Молодой оперативник не мог поверить, что знаменитый сыщик, про которого он столько слышал, срывается с места, чтобы выполнить просьбу олигарха средней руки.

– Нет, я прилетел не по вызову, – поспешил успокоить его Гуров, – а просто отдыхаю в санатории МВД в Солнечной бухте. То есть прямо по соседству с местом, где произошло убийство. Кривулин об этом откуда-то узнал и попросил меня помочь в расследовании. Хочу сказать, что слово «отстранить» здесь не годится. Я пока что согласился только съездить, поговорить с вами, осмотреть тело, ну, может, посмотреть еще место убийства. И ничего больше.

– А, вот оно как! – с облегчением воскликнул заметно повеселевший капитан. – Да вы не думайте, я не против! Наоборот, буду только рад, если вы к этому расследованию подключитесь. Дело-то, если честно, не совсем ясное.

– А давайте вы мне сейчас расскажете, что удалось выяснить, – предложил Гуров, – и тогда я решу, стоит мне подключаться или ну его.

– Давайте, – согласился Синичкин. – Только выйдем, в другом месте поговорим, чтобы Наталье не мешать, – кивнул он на свою соседку по кабинету, – а то срочно дело в прокуратуру сдавать надо. Лучше всего у нас в садике. Там и скамейка есть.

– Хорошо, поговорим на свежем воздухе, – сказал Гуров.

Они вышли из здания участка, обогнули его и сели на скамейку, расположенную среди кустов лавра.

– Значит, картина выглядит следующим образом, – начал Синичкин. – Убитый Петр Тишкин находился в кабинете своего шефа Кривулина. По словам самого Кривулина, он должен был работать над составлением важного документа – обращение в правительство по поводу выполнения ряда работ. О времени, когда он вошел в кабинет, у нас есть достоверные данные – они взяты из показаний сестры убитого, Анастасии Тишкиной. Она свидетельствует, что они с братом сидели в парке до десяти с чем-то часов, после чего она пошла спать, а он направился в кабинет.

– А где был в это время сам Кривулин? – спросил Гуров.

– По его словам, ездил в Адлер, вел переговоры о поставке щебня на стройку. Я уже проверил: да, владелец карьера подтверждает факт переговоров.

– И долго он отсутствовал? Не всю же ночь они беседовали о щебне?

– Нет, не всю. Кривулин вернулся на виллу уже за полночь. Если точнее – примерно в 12.20. Так точно удалось установить время, сличив показания самого Кривулина, его телохранителя Сергея Жилкина и охранника Бориса Глушакова – он открывал владельцу усадьбы ворота.

– А телохранитель ездил вместе с хозяином? – уточнил Лев.

– Нет, – покачал головой капитан, – Жилкин оставался на вилле. Хозяин вел машину сам.

– А почему? – удивился Гуров.

– Оба, и Кривулин, и Жилкин, объясняют это тем, что хозяин время от времени сам садится за руль, чтобы не утратить навыки вождения.

– Объяснение вроде логичное, но что-то здесь не так. Почему ночью? Почему при поездке на деловые переговоры на довольно большое расстояние? Уместнее было бы восстанавливать навыки при поездке к любовнице...

– К любовнице Кривулину ездить не надо, – усмехнулся Синичкин, – она у него прямо на вилле живет. Зовут Татьяна Осипова. 25 лет, официально работает в одном из московских рекламных агентств, а на деле, полагаю, блондинкой с параметрами 90-60-90. Ну и рост соответствующий, и лицо тоже ничего.

– Ладно, о любовнице поговорим позже, – прервал его Лев. – Скажите лучше вот что: кто обнаружил труп?

– Сам Кривулин и обнаружил, – ответил капитан. – Согласно его показаниям, вернувшись на виллу, он первым делом прошел в кабинет – спросить секретаря, готово ли обращение в правительство. И обнаружил, что тот мертв.

– Как было совершено убийство?

– Тишкин был задушен. Пока секретарь сидел за столом, кто-то подошел к нему сзади и набросил ему на шею кусок веревки длиной в метр, а потом затянул.

– Вербку нашли?

– Да, убийца ее бросил тут же, в кабинете.

– Секретарь пытался сопротивляться? Может, у него под ногтями остались следы кожи убийцы?

– Я тоже об этом подумал, – кивнул Синичкин. – Просил Самуила Ароновича, нашего доктора, посмотреть. Он говорит – нет ничего. Да вы сами можете проверить. Давайте пройдем в морг, и осмотрите тело.

– Кривулин уверял меня, что на его виллу не мог проникнуть никто посторонний. Значит, убийство наверняка совершил кто-то из числа живущих на вилле. Вы что об этом думаете? – сказал Гуров, пока они шли к моргу.

– Я обошел всю эту его «Аркадию» кругом, – ответил капитан. – Да, защищена она хорошо. По всему периметру забор в три с половиной метра высотой, не перепрыгнешь. В нескольких местах установлены камеры видеонаблюдения. Кроме того, после полуночи охранник выпускает собак, Багиру и Рекса. Они чужого ни за что не пропустят. Хотя, конечно, и в таких условиях можно что-то придумать... Но в целом я с Кривулиным согласен: похоже, убийцу нужно искать там, на вилле.

– А как у живущих на вилле обстоит дело с алиби на тот вечер? – спросил Лев. – Вы проверяли?

– А как же, проверял. Твердое, почти стопроцентное алиби имеется только у троих. Повар Алексей Петриченко в девять часов убрался у себя на кухне, после чего вместе с телохранителем Сергеем Жилкиным сел смотреть бокс по телевизору. Однако Жилкин смотрел передачу не до конца – как показал повар, после десяти он ушел спать, и, начиная с этого времени, его никто не видел. А вот Петриченко видели: как показала Татьяна Осипова (эта самая модель, любовница Кривулина), она в двенадцать проходила мимо и видела, как повар сидел перед телевизором. И в это же время, но в другом помещении, в дежурке, телевизор смотрели егерь Эльдар Муртазин и охранник Борис Глушаков. Оба утверждают, что не могли оторваться от ящика, пока какое-то там шоу не кончилось.

– И когда же это увлекательное зрелище завершилось?

– В 23.15.

– А когда наступила смерть?

– Самуил Аронович говорит, примерно в половине двенадцатого. Но не позже двенадцати.

– Ну да, ведь в 12.20 уже вернулся Кривулин и обнаружил труп... – вспомнил Гуров. – Выходит, что теоретически и телохранитель, и повар, и егерь могли совершить убийство. Телохранителя, когда он ушел спать, никто не видел. У егеря и охранника алиби тоже не стопроцентное. Если после окончания шоу один из них быстро поднялся в кабинет и накинул на шею секретаря веревку, его мог никто не заметить.

– Как-то маловероятно, – покачал головой Синичкин. – Ведь на вилле было очень тихо. Если бы убийца быстро вошел, Тишкин его и увидел, и услышал бы. И вряд ли дал бы ему возможность подобраться сзади.

– Но существует еще один вариант, – сказал Гуров. – Повар и егерь были в сговоре и вовсе не смотрели никакое шоу. Тогда они могли заранее проникнуть в кабинет и убить секретаря.

– И правда! – воскликнул капитан. – Об этом я как-то не подумал... Да, а вот и морг, мы пришли.

Дежурный у входа приветствовал Синичкина как старого знакомого. В сопровождении служителя морга они спустились по лестнице, капитан открыл тяжелую дверь, и на Гурова пахнуло холодом и сладковатым трупным запахом, который не мог истребить даже запах карболки. Синичкин подвел его к носилкам, на которых лежало покрытое простыней тело. Служитель снял простыню, и Гуров увидел убитого. Как всегда бывает при удушении, лицо погибшего было сильно искажено и выглядело ужасно. Однако Льва интересовало не лицо, а шея. Он внимательно оглядел багровую полосу, оставленную веревкой, затем стал осматривать руки. Дойдя до левой руки, достал лупу, а затем, попросив у служителя пинцет, извлек из-под ногтя среднего пальца крохотную белую нитку. Бережно положил ее в пластиковый пакет и передал Синичкину:

– Ваш доктор был не слишком внимателен. Отдайте это в лабораторию, пусть проверят.

– Да, конечно, это улика, – согласился Синичкин. – Плохо, что мы ее не заметили. Но вряд ли это улика существенная. Скорее всего, это нить от веревки, которой был задушен покойный. А веревка у нас и так уже имеется.

– Может, от веревки, а может, и от чего другого, – возразил Лев. – Ну что, капитан, я увидел все, что хотел. И услышал тоже достаточно. По крайней мере, для того, чтобы понять, что дело это непростое. Пожалуй, я им займусь.

– Что, теперь поедете на виллу? – спросил Синичкин.

– Да, пришло время взглянуть на это неприступное убежище нашего строителя.

Глава 4

Обратная дорога до поселка, а затем и до виллы заняла больше времени: ближе к полудню движение на дорогах усилилось, так что ехать пришлось почти час. Но и теперь за все время поездки водитель не проронил ни слова. Гуров его тоже ни о чем не спрашивал. Конечно, Жилкина – так звали водителя – нужно было допросить, как и других обитателей виллы «Аркадия», однако он не хотел делать этого наспех, да еще сидя за спиной у водителя. «Придет время – и этого голубчика допросим», – решил Лев.

Наконец дома поселка остались позади. Дорога повернула и устремилась в горы, обходя группу неприступных скал, обрывавшихся в море. Но часть этих скал уже не существовала. Поверхность здесь была выровнена и образовывала несколько террас, на которых был высажен парк. Среди зелени виднелись несколько построек. Это и была вилла «Аркадия».

Машина подъехала к воротам и остановилась. Однако сигналить водитель не стал – он просто ждал. Через минуту створки стали медленно расходиться. Они въехали внутрь и вскоре оказались перед домом. Здесь водитель впервые открыл рот:

– Я вам в ближайшее время не нужен?

– Нет, часа два точно не нужны, – ответил Гуров. – Потом, ближе к вечеру, надо будет вернуться в санаторий.

– Тогда я схожу поем. Потом буду в гараже, – проинформировал его Жилкин.

Гуров вышел и огляделся. Вилла представляла собой трехэтажный, выстроенный в модном псевдоготическом стиле дом, напоминавший средневековый замок. Впрочем, «замок» был тщательно оштукатурен и сверкал новенькими окнами. Слева от него начиналась лужайка, за которой виднелся бассейн, у которого в шезлонге возлежала длинноногая девушка с книжкой в руке.

«Ага, это, как видно, та самая любовница хозяина, о которой говорил капитан», – догадался Гуров.

Справа находился парк, оттуда, из-за деревьев, доносился рокот газонокосилки. «Там, скорее всего, трудится садовник, – продолжал рассуждать Лев. – Тот, у которого, по словам Синичкина, безупречное алиби. Человеку с таким алиби бояться нечего, он может многое рассказать об остальных обитателях виллы. Да и любовница тоже наверняка может кое-что сообщить...»

Однако в первую очередь ему хотелось побеседовать с сестрой убитого. Надо было кого-то спросить, где ее искать. Водитель уже уехал в гараж, так что удобнее всего было спросить у девушки в шезлонге. Лев уже повернулся, чтобы направиться к ней, как дверь дома открылась и оттуда вышел осанистый мужчина лет пятидесяти. Густые усы и уверенная манера держаться придавали ему весьма внушительный вид. Если бы Гуров уже не был знаком с хозяином виллы Кривулиным, он бы решил, что усач и есть хозяин.

– Добрый день! – поздоровался с ним Лев. – Я только что приехал и хотел кое-что узнать.

– Добрый день, уважаемый! – приветствовал его усач. В его речи ощущался мягкий южный акцент. – Вы с Сергеем приехали? Так вы, наверное, полковник из Москвы?

– Да, моя фамилия Гуров, – представился сыщик.

– Очень рад, очень рад! – воскликнул усач. – Очень приятно видеть у нас такого известного человека! Я – здешний управляющий, Чанба моя фамилия, зовут Константин Семенович, но можно просто Костя. А вас, простите, как зовут?

– Лев Иванович.

– Слушаю вас, дорогой Лев Иванович! Что вы хотели узнать? Я все покажу, все расскажу! А может, вы хотите что-нибудь выпить с дороги или поесть? А то время уже к обеду. Сейчас я скажу Леше, он вам накроет...

– Нет, я сюда не есть-пить приехал, – ответил Гуров. – Ваш хозяин Кривулин попросил меня принять участие в расследовании убийства.

– Да, такая беда, такая беда! – сокрушенно покачал головой управляющий. – Петя такой был умный, такой тихий, такой знающий! И кто мог такое удумать – просто ума не приложу! Это кто-то чужой пробрался, у нас такого злодея нет!

– А вот ваш хозяин другого мнения, – заметил сыщик. – Он считает, что убийство мог совершить только человек, живущий на вилле. Кривулин мне говорил, что вилла хорошо охраняется, и посторонний сюда пройти не может.

– Да, это Егор Борисович верно сказал! Никакой злодей к нам не проберется! – заявил управляющий с таким же воодушевлением, с каким только что утверждал, что убийство совершил посторонний.

– Значит, это все-таки кто-то из своих, – заключил Гуров. – Вот я и должен выяснить кто. И для начала мне хотелось бы побеседовать с сестрой убитого. Кажется, ее зовут Настя?

– Да, верно, уважаемый, Настя у нас горничной работает, – сказал Чанба. На этот раз в его голосе звучала искренняя печаль. – Тоже такая тихая, исполнительная, работающая! Они с Петей очень похожи... были. Как она теперь будет жить – ума не приложу! Это такое горе, такое горе! Егор Борисович ее от работы освободил. Сказал: сколько нужно, столько пусть и отдыхает. Только какой же это отдых?

– А где она? – спросил Лев.

– У себя в комнате сидит, – ответил управляющий. – Как Петю увезли, так и сидит. Мне кажется, она даже не ложилась. Я ее завтракать звал – не пошла.

– Проводите меня к ней, – попросил сыщик.

– Идемте, уважаемый, – кивнул Чанба.

Они вошли в дом. Первое, что бросилось Гурову в глаза в просторном холле, – это занавешенное черной материей зеркало на стене. Обитатели виллы показывали, что помнят об убитом. Такой же черный креп был и в гостиной.

Миновав гостиную, управляющий и следовавший за ним Гуров свернули направо. Здесь была еще одна дверь, перед ней они и остановились.

– Вот ее комната, – шепотом проговорил Чанба. – Идите, уважаемый Лев Иванович, побеседуйте с ней. Может, это даже хорошо, что кто-то к ней придет, отвлечет.

Гуров шагнул к двери и постучал. Только потому, что внимательно прислушивался, он различил негромко произнесенное «войдите».

В комнате на стуле возле окна сидела молодая женщина. В руках у нее была губка, какими протирают окна, и она производила впечатление человека, присевшего на минуту передохнуть. Между тем она, скорее всего, сидела на этом стуле уже несколько часов. А может, и весь день.

– Здравствуйте, Настя, – поздоровался Лев. – Я из полиции, меня зовут Лев Иванович Гуров. Ваш хозяин попросил меня принять участие в расследовании гибели вашего брата. Но прежде я хотел бы выразить вам мои соболезнования.

– Да, спасибо, – кивнула женщина. – Меня, правда, уже спрашивали, но я могу и вам рассказать. Садитесь...

Тут она оглянулась, сообразила, что второго стула в комнате нет, и пересела на кровать.

– Я беседовал с капитаном Синичкиным, который ведет это дело, – начал Гуров, – и он сообщил мне, что вы, видимо, были последним человеком, который вчера видел Петра. Вы ведь вчера вечером беседовали?

– Да, там, в парке, – ответила Настя, неопределенно махнув рукой в сторону окна. – Мы каждый вечер подолгу беседовали. Если он с Егором Борисовичем не уезжал, конечно.

– И во сколько вы расстались?

– Десять уже точно было... Я, когда с Петей рассталась, сразу спать пошла. Когда леглась, посмотрела на часы – было без двадцати одиннадцать. Так что расстались мы, наверное, где-то в десять двадцать.

– Брат говорил вам, зачем собирался идти в кабинет хозяина?

– Да, он сказал, что ему надо какой-то документ в Москву подготовить и отправить. А еще, что он ждет подрядчиков, им нужно деньги отдать.

– Скажите, а Кривулин часто поручал вашему брату передавать деньги?

– Да, он Пете полностью доверял, – кивнула Настя. – Про Петю все знали, что он копейки чужой не возьмет. Так что такие поручения Егор Борисович ему часто давал.

– А о какой сумме идет речь, брат вам не говорил?

– Нет, не говорил.

– Где проходил ваш разговор с братом?

– Там, в верхней части парка. – Настя вновь показала рукой в окно, на этот раз ее жест был более определенным. – На верхней террасе есть скамейка, мы на ней любим сидеть. Любили то есть...

– Пока с братом беседовали, и потом, до того как лечь, вы видели кого-нибудь? Кто-то попался вам на глаза?

Настя задумалась, потом ответила:

– Пока мы разговаривали – нет, рядом никого не было. А когда спустились – да, видели. На нижней террасе Александр Ермолаевич возился, листья убирал.

– О ком вы говорите? – спросил Гуров и пояснил: – Я ведь еще не всех здесь знаю.

– Александр Ермолаевич – это наш садовник, – объяснила Настя. – Он такой работающий, его никогда не увидишь, чтобы просто так, без дела сидел.

– И садовник продолжал работать в десять вечера? – удивился Лев. – Странно как-то...

– Ничего странного! – возразила Настя. – У нас в парке освещение хорошее, все видно. Чтобы листья убрать, много света не надо.

– Значит, вы видели, как садовник убирает листья?

– Нет, не совсем так. Он за кустами был, его самого видно не было. Просто я услышала – человек граблями стучит, листья убирает, и подумала, что это Александр Ермолаевич.

– То есть это мог быть и другой человек, который выполнял работу садовника, – заключил Гуров.

– Почему это? Кто же станет за садом ухаживать, если Александр Ермолаевич здесь? Он этого никому не позволит!

– Хорошо, я понял, – кивнул Гуров. – А еще кого-нибудь видели?

– Когда я мимо дежурки проходила – это будка такая рядом с домом, – там Бориса видела, охранника. А потом, уже когда в дом вошла и проходила через общую комнату – она у нас вроде гостиной для слуг, – там сидели Леша, наш повар, и Сережа, водитель. Телевизор смотрели.

– Во сколько это было?

– Я же говорила – примерно в половине одиннадцатого.

– Понятно... Значит, в половине одиннадцатого Жилкин еще сидел в общей комнате. Все? Больше никого не видели?

– Нет, больше никого.

– А вы не знаете, где в это время были остальные?

– А кто остальные? Константин Семенович, наверное, домой уехал. Он обычно, если дел особых нет, часов в семь-восемь домой уезжает.

– На чем?

– На машине своей, на чем еще?

– А что у него за машина?

– Я не помню, «Форд», кажется. Она возле гаража стоит. Хотя... Слушайте, а ведь я вру!

– В каком смысле?

– Нет, не уехал Константин Семенович. Я, когда шла с Петей поговорить, кондиционер выключила – не люблю его, шумит очень, и простудиться можно, – и окно открыла. Слышала, как Константин Семенович с кем-то возле дома разговаривал, сердито так, вроде даже ругался. Только вполголоса, так что слов слышно не было. Наверное, это он с Борей-охранником говорил, втык ему за что-то делал.

– Вы же сказали, что видели охранника в дежурке?

– Да, видела. Видимо, Константин Семенович его позвал, замечание какое-то сделал. Ведь Борис не только за воротами следит, он у нас еще вроде мастера – должен всю электронику в порядке поддерживать. А он не всегда это делает. Вот я и подумала, что управляющий его вызвал и выволочку устроил.

– Но вы не можете поручиться, что управляющий говорил именно с охранником?

– Нет, поручиться не могу. Но голос был похож. И вообще... Кого бы еще Константин Семенович стал так ругать?

– Хорошо, пусть это был охранник. Остается еще любов... я хотел сказать, остается еще Татьяна Осипова. Ее вы не видели?

– Нет, не видела. Но слышала. Когда проходила через гостиную, со второго этажа музыка раздавалась. Это, наверное, от нее. Она любит всякие музыкальные передачи смотреть.

– Так, теперь мы, кажется, никого не забыли, – заключил Гуров. – А скажите, вы в тот вечер в поведении брата не заметили ничего необычного? Его ничего не беспокоило? Не тревожило?

– Нет, Петю ничего не беспокоило, – покачала головой девушка. – Это меня беспокоило, не его. Предчувствие у меня нехорошее было. Я ему так и сказала: «Давай уедем, тревожно мне что-то». А он стал меня успокаивать, сказал, что ему здесь хорошо, античную литературу изучает... Если бы я тогда настояла, увела его куда-нибудь...

– Не надо себя винить, – попытался утешить ее Гуров. – Ну, куда вы могли увести брата на ночь глядя? Значит, ничего необычного в тот вечер вы не заметили?

– Необычного? – Настя задумалась, припоминая. – Нет, ничего... Хотя подождите! Было одно... Правда, это ерунда, неважно...

– Что именно?

– Да костюм!

– Какой костюм?

– На нем в тот вечер костюм был чужой, – объяснила девушка. – Я еще удивилась, говорю: «Вон на тебе какой костюм модняцкий!» А он ответил: «Да это не мой, Егора Борисовича. Он мне вдруг взял и подарил. Размер-то у нас с ним одинаковый». И еще добавил: «Я обычно не люблю чужие вещи носить, но из уважения к нему согласился. Один вечер поношу, а потом сниму». Так и не снял. В этом костюме его и убили...

– Вот как... – протянул Гуров. – А не знаете, ваш хозяин раньше дарил брату какие-то вещи?

– Нет, не припомню такого, – покачала головой Настя. – Даже не знаю, чего это ему вздумалось.

– Ладно, я его самого спрошу. Что ж, пока у меня к вам вопросов больше нет. Не буду отнимать у вас время...

Тут Гуров понял неуместность своих последних слов и, чтобы загладить неловкость, спросил:

– Что теперь будете делать?

– Буду ждать, когда следователь разрешит уехать и Петю увезти, – ответила Настя. – Я его в Москве хочу похоронить, рядом с родителями. И сюда потом не вернусь. Смотреть на этот дом больше не могу! Так что я теперь одного жду: когда можно будет уехать.

– Я поговорю с капитаном Синичкиным, а если нужно, и со следователем, – пообещал Лев. – Думаю, они не станут возражать против вашего отъезда. В конце концов, если возникнут вопросы, их можно и по телефону задать. Скажите, а у вашего Константина Семеновича кабинет есть? Мне хочется теперь с ним побеседовать.

– Да, есть у него кабинет, рядом с кухней. Только он там редко сидит, обычно где-то на территории.

– Ладно, поищем, – сказал Гуров и вышел из комнаты.

Глава 5

Настя оказалась права: кабинет рядом с кухней был открыт, но пустовал. Видимо, управляющий находился, как выразилась горничная, «на территории». Гуров вышел из дома и огляделся. Справа, возле бассейна, теперь никого не было: длинноногая любительница музыкальных передач Татьяна Осипова, видимо, куда-то ушла. Может, в море нырять, а может, по магазинам. Хотя какие здесь, в поселке, магазины? Впрочем, беседа с любовницей Кривулина не входила в ближайшие планы Гурова. Сейчас ему хотелось поговорить в первую очередь именно с управляющим. Во-первых, он лучше всех должен знать людей, живущих в доме, а во-вторых, он в тот день почему-то задержался и допоздна оставался в усадьбе. Интересно почему? И еще одному человеку сыщик хотел задать такой же вопрос – садовнику Александру Ермолаевичу.

Лев прислушался: не доносится ли из-за кустов стрекот газонокосилки. Нет, там было тихо. Значит, садовник тоже переместился в другое место.

Гуров отправился на поиски.

Обогнул куст с ярко-зелеными листьями и крупными белыми цветами и увидел свежестриженный газон. «Наверное, садовник где-то рядом», – решил он и двинулся дальше. Однако за следующим поворотом дорожки ему навстречу шел вовсе не садовник, а человек, с которым он провел, можно сказать, все утро – водитель Сергей Жилкин.

– Хорошо, что ты мне встретился, – сказал Лев. – Поговорить надо. Давай сядем вот здесь. – И указал на изящную скамью, стоявшую под кипарисом.

– Что ж, давайте поговорим, – согласился Жилкин.

Гуров сел, похлопал рукой рядом с собой – садись, мол, голубь, поближе. Однако водитель, он же телохранитель, поступил по-своему: сел подальше, и не лицом к сыщику, а боком, глядя прямо перед собой.

– Меня интересует, где ты был и что делал вчера вечером, – начал Лев, – с восьми вечера и до двенадцати ночи.

– Это можно, – ответил Сергей. – Я после ужина в гараже был: трамблер менял. Как заменил, пошел к морю, искупался, потом сел «ящик» смотреть.

– Где смотрел?

– В общей комнате, там вроде гостиной для слуг.

– Один?

– Нет, с Лешкой. С поваром.

– А что показывали?

– Матч за звание чемпиона мира в тяжелом весе между Поветкиным и Рахманом.

– А ты, я вижу, в этом разбираешься. Что, занимался боксом или просто интересуешься?

– Занимался. Три года, пока в школе учился, и потом еще четыре.

– А почему бросил?

– Почему бросил? – Водитель повторил заданный ему вопрос, после чего в первый раз за время их беседы повернулся к Гурову. На его лице появилась кривая ухмылка: – Бросил, потому очередь мне пришла «ходку» делать. Срок я получил. А вы что, разве не знали?

– Нет, не знал, – удивленно проговорил Лев.

– Я думал, Борисыч скажет, – все так же усмехаясь, сказал Сергей, – или следак, что дело ведет.

– А срок за что получил?

– За что? Я в бедности рос, у родителей вечно денег не хватало. Каждую сотню считали. А у меня друган один был, вместе в секцию ходили, Колькой звали. И вот стал этот Колька вдруг в гору идти. «Шузы» новые, вообще шмотки крутые. В кабак меня зовет. Раз зовет, два.

И все время он платит. Мне неловко, а что делать – денег-то нет. Я поинтересовался, откуда у него бабло? А он ответил, что связался с крутыми пацанами, которые настоящие дела делают – берут кассы в магазинах. Не в продуктовых, а в настоящих – ювелирных или меховых. Там главное – быстрота и натиск. Ну, и расчет, конечно. Но расчетом есть кому заниматься, а его дело – охранников валить. И сказал мне Колян, что есть у них в коллективе еще одно место. Я подумал-подумал и пошел.

– И долго ты валил охранников? – усмехнулся Гуров.

– Не очень, – признался водитель. – Полгода не прошло, как нас всех взяли. Я получил шесть лет. Отсидел из них четыре.

– По УДО вышел?

– Да, в связи с образцовым поведением. Ну, вышел, а дальше что делать? Чувствую, придется снова тем же заниматься. Профессии нет, учиться поздно, да и кто меня со справкой на настоящую работу возьмет? Ну, устроился в один ЧОП. Решил: как выйдут на меня какие серьезные люди – соглашусь. Но только первым на меня вышел вот он, Борисыч.

– А как вы с ним познакомились?

– Наш ЧОП его контору охранял, и чем-то я ему приглянулся. Он как-то спросил, пойду ли к нему водителем, а заодно и телохранителем? Я подумал и согласился. И вот третий год уже работаю.

– А кто еще здесь знает о твоём уголовном прошлом?

– Кроме Борисыча, никто, – ответил Жилкин. – Если он кому-то еще не рассказал.

Теперь, когда водитель ему рассказал о своём прошлом, Гуров понял странности его поведения: особую молчаливость, нежелание идти на контакт. Ведь для блатного откровенничать с полицейским – это, что называется, «западлю». И вообще воровской кодекс предписывает больше помалкивать.

– Так вот почему ты на меня весь день волком смотришь! – заключил Гуров.

– Что же мне с вами, обниматься, что ли? Того и гляди пришлете наряд – и вперед, в кутузку. Ясно же, что я первый на подозрении.

– А что, на тебе «мокрое» дело уже висело?

– Нет, убивать я никого не убивал, – покачал головой водитель. – Я шел по статье «участие в вооруженном ограблении». Но какая разница? Ходка была? Была. Значит, все.

– Пока что тебе никто обвинений не предъявляет, – заверил его Лев. – И хозяин о твоём прошлом не говорил – ни мне, ни капитану Синичкину. Так что ты здесь на равных с остальными. И пока ты на равных, давай еще немного поговорим про вчерашний вечер. Значит, вы смотрели бокс вместе с поваром. Во сколько начали смотреть и во сколько закончили?

– Смотря про кого говорить. Включил «ящик» я, когда с моря вернулся. Это было в половине десятого. Минут через пятнадцать Леха подошел. Я еще подумал: сейчас начнет зудеть, чтобы на другой канал переключить, он ведь бокс никогда не смотрит. Но он ничего, сидел, смотрел. Где-то через полчаса к нам заглянул Семеныч, позвал его, и Леха вышел.

– Это ты про управляющего говоришь? – уточнил Гуров.

– Ну да. Где-то минут двадцать его не было, весь четвертый и пятый раунды. Потом вернулся, злой такой, хоть самого на ринг выпускай. Снова стали вместе смотреть. А без пяти одиннадцать Сашок этого Рахмана нокаутировал, и бой закончился. Полный абзац! Америка-нос на канаты завалился, на ногах не стоит. Ну, и я спать пошел.

– А повар?

– Он остался и сразу стал каналы щелкать, боевик какой искать. Он в основном боевики смотрит.

– А ты, пока ложился, ничего особенного не видел, не слышал?

Жилкин немного подумал, припоминая, потом покачал головой:

– Нет, ничего не было. Все штатно.

– Ладно, у меня пока вопросов нет, – сказал Гуров, поднимаясь. – Появятся – задам. А где можно сейчас вашего Семеныча найти?

– Да в гараже, «Форд» свой драит, гудок новый устанавливает. Он все ко мне подъезжал, чтобы я ему машину за так мыл. Да только как подъехал, так и отъехал. Пришлось нашему завхозу самому горбатиться. Так что там его и найдете. А я тоже спросить хотел: ехать сейчас никуда не надо?

– Нет, пока таких планов нет, – ответил Лев. – Я еще немного у вас побуду.

– Тогда я пойду поплаваю, – сказал водитель. – Что здесь хорошо – поплавать вдоволь можно.

На том они и расстались. Жилкин повернул на дорожку, ведущую вниз, к морю, а Гуров направился в сторону гаража.

Сергей не обманул: управляющий Константин Семенович действительно находился в гараже. Он до половины погрузился в капот машины, так что наружу торчала только задняя часть. Пришлось Гурову к ней и обращаться.

– Константин Семенович! – позвал он.

Управляющий с неожиданной при его комплекции резвостью вынырнул из-под крышки капота. В одной руке он держал гаечный ключ, в другой – отвертку.

– Извините, что мешаю проведению ремонта, – сказал Лев, – но мне нужно с вами побеседовать. Где мы можем это сделать?

– Да здесь и побеседуем, уважаемый, – ответил Чанба. – Вот там, в тени, сядем на скамеечку и побеседуем. Только руки помою и буду совсем готов. А ремонт пусть подождет.

Они вышли из гаража и присели на скамью в тени кипарисов.

– Расскажите, что вы делали вчера, начиная с восьми вечера и до полуночи, – попросил Гуров, повторив стандартную фразу своего сегодняшнего расследования.

– Что делал, уважаемый? Да разве все упомнишь? Столько всего делать приходится – верчусь как белка в колесе! Ведь на мне весь дом держится, все хозяйство. Всем приходится заниматься, обо всем заботиться. Я и продукты покупаю, и счета оплачиваю, и прислуге зарплату выдаю, и за порядком слежу – абсолютно все! Абсолютно!

– Я верю, что у вас много забот, и все же вам придется постараться и вспомнить именно вчерашний вечер. Кстати, а почему вы так задержались вчера в усадьбе? Мне говорили, что обычно вы часов в семь уже уезжаете, а вчера до ночи все еще были здесь. Что заставило вас остаться?

– Да все то же, дорогой, – дела, – развел руками Чанба. – То одно, то другое...

– Нет, так у нас не пойдет, – покачал головой Гуров. – Вы упорно не хотите отвечать на мои вопросы. Давайте тогда я попрошу капитана Синичкина, и он выпишет вам повестку на завтра. Явитесь в Лазаревское, в участок, и там мы с вами побеседуем.

– Зачем повестка? Зачем в участок? – возмущенно произнес управляющий. – Разве я отказываюсь? Я всегда готов ответить! Нет такого вопроса, на который Константин Чанба не мог бы ответить!

– Ну так и ответьте, – начиная терять терпение, бросил Лев. – Почему вы вчера задержались в усадьбе позже обычного? И что делали начиная с восьми вечера? И если вы опять заведете ту же песню «всего, дорогой, не упомнишь», я вас буду считать уже не свидетелем, а подозреваемым, который упорно отказывается отвечать на мои вопросы.

– Да отвечаю я, отвечаю! – воскликнул Чанба. – Сейчас все расскажу. Значит, какой у вас вопрос? Ах да, восемь вечера! Восемь вечера, восемь вечера... Сначала я перекусил, потом с Сашей – это садовник наш – беседовал...

– Это было в восемь или позже? – уточнил Гуров.

– Нет, наверное, раньше, еще в семь. Я на часы не смотрел, дорогой. Когда делами занимаешься, некогда на часы смотреть.

– Хорошо, а потом?

– Посмотрел я, что там Саша сделать успел... Потом еще в дежурку зашел, проверил, как у Бори, охранника, дела идут. Ну, и поехал домой.

– И во сколько же это было?

– Да часов в девять, наверное. Да, стемнело уже, так что девять уже было.

– Знаете, Константин Семенович, память вас, видимо, подвела, – заметил Лев. – Вы никак не могли уехать из усадьбы в девять, потому что в десять часов горничная Настя, собираясь идти на встречу с братом, отчетливо слышала ваш голос. Вы с кем-то разговаривали. И не просто разговаривали, а делали выговор. Так что перестаньте темнить и отвечайте: с кем вы беседовали в десять вечера?

– А ведь верно! – хлопнул себя по коленке управляющий, словно только что вспомнил забытую деталь вчерашнего вечера. – Точно, задержался я! Надо было с Борей, охранником, побеседовать, внушение ему сделать. Он ведь у нас не только за охрану отвечает, а еще за всю техническую сторону. А я заметил, что несколько лампочек в доме и возле дома не горят. Вот я ему и делал замечание. Как сделал – так сразу домой поехал.

– И ничего подозрительного или необычного вы в тот вечер не видели?

– Ничего особенного не было, клянусь! – заверил Чанба, в знак своей искренности прижав руку к груди.

– Клясться необязательно, достаточно сказать правду. Ладно, с вами я пока закончил. Но думаю, что вопросы еще будут. И не вздумайте водить меня за нос и тянуть, как сейчас. А теперь скажите, где я могу увидеть повара?

– Так на кухне он! – воскликнул управляющий и вскочил с места, словно собираясь немедленно бежать на кухню за поваром. – Там, в доме! А что, вы его тоже хотите о вчерашнем вечере спрашивать?

– Разумеется, – ответил Гуров. – Как и всех остальных. А что?

– Да нет, ничего, – сказал управляющий. – Это я так.

Глава 6

Повар Алексей Петриченко действительно оказался на кухне. Правда, он был совсем не похож на повара. Если бы Гуров не знал, кого ищет, он бы никогда не признал в этом худом нервном парне представителя такой мирной профессии. «Он скорее на охранника похож», – подумал Лев, разглядывая Петриченко. Затем представился, объяснил цель своего визита на кухню и повторил вопрос, который уже не раз задавал в этот день.

– Что я делал? – задумался повар. – Ну, сначала ужин готовил, потом подавал – мы это вместе с Настей делаем. Потом убрал на кухне, пошел искупаться... Ну, и сел телевизор смотреть.

– Где?

– В общей комнате, где же еще?

– Один?

– Нет, не один. Там уже Сергей сидел, водитель. Ну, и я к нему присел.

– А что смотрели?

– Бокс передавали, бой за звание чемпиона мира.

– А ты что же, боксом увлекаешься?

– Нет, просто хотел «ящик» посмотреть. Думал, немного посижу, потом в дежурку пойду – там Боря-охранник обычно шоу разные смотрит. Но тут что-то меня зацепило, и я остался.

– И долго сидел?

– Долго, часов до двенадцати. Когда бокс кончился, Сергей спать ушел. Я тогда на другой канал переключился и нашел классный триллер с Харрисоном Фордом.

– И никуда не выходил?

– Нет, никуда, – все так же уверенно ответил повар.

– Очень интересно! – заметил Гуров. – А вот Сергей говорит, что ты выходил около десяти часов. И я, кажется, знаю зачем. Сказать или ты сам скажешь?

– Черт, и правда забыл! – сокрушенно воскликнул Петриченко. – Да, я вспомнил, что забыл фасоль водой залить. А ее, если заранее не зальешь, потом сто лет варить надо. Вот я и вышел, чтобы залить. Зашел на кухню, все дела сделал и вернулся.

– И ни с кем не разговаривал?

– Нет, ни с кем!

– И никого не видел? Только не ври!

– Видел... видел... – медленно произнес повар. У Гурова сложилось твердое убеждение, что он не припоминает события минувшего вечера, а лихорадочно размышляет о том, что может быть известно сыщику и в чем, стало быть, надо признаться. – Да, точно, видел! Уже когда из кухни возвращался, видел Татьяну – ну, это девушка нашего шефа. Она в парк вышла. Погулять, наверное, решила.

– Но ты с ней не разговаривал?

– Нет, о чем? Просто видел, и все.

– А когда выключил телевизор и вышел из общей комнаты – тогда видел кого-нибудь?

– Тогда... тогда... Да, Бориса видел, охранника. Я через гостиную проходил, в окно выглянул – вижу, он куда-то идет.

– Тебя это не удивило?

– А что тут такого? Может, он на камере увидел что-то подозрительное и шел проверить, а может, собак выпускал. У нас две собаки всю ночь территорию охраняют. Мощные собаченции! Я, например, после двенадцати не рискую в парк выходить. Хотя вроде не чужой.

– Значит, ты отправился в свою комнату, лег спать – и до утра больше ничего не видел и не слышал? – спросил Гуров.

– Нет, ничего, – твердо ответил повар.

– Хорошо, тогда скажи, во сколько, по-твоему, покинул виллу ваш управляющий?

– Это вы про Константина Семеновича? – уточнил повар.

– Да, именно про него.

– Да откуда же я знаю? – развел руками Петриченко. – Я же за ним не следил! За ужином он был, точно. А после ужина... Нет, после ужина я его не видел.

– Ладно, пока у меня к тебе все.

– Слушайте, а ведь вы у нас не обедали! – воскликнул повар. – Я вас в столовой не видел. Верно?

– Да, я как-то и забыл про обед, – произнес сыщик.

– Так давайте я вам сейчас что-нибудь сооружу, – предложил Петриченко. – Прямо здесь. Хотите?

Только тут Лев почувствовал, что на самом деле проголодался. И немудрено: ведь он с самого завтрака ничего не ел, как-то не до того было.

– Хочу, – признался он. – Давай сооруди что-нибудь.

Спустя несколько минут на столе перед ним уже стояли закуски (икра в вазочке, селедка, маринованные грибы), шипел разогретый бифштекс, высилась гора хорошо прожаренной картошки. Стояли и напитки: запотевший ледяной графинчик с водкой, бутылка минеральной воды, сок.

– Чай или кофе? – деловито осведомился Петриченко.

– Чай, – сказал Гуров. – А вот это убери, – показал он на графин с водкой.

Графин немедленно исчез, взамен появились заварочный чайник и термос с кипятком. Сам повар, накрыв на стол, ретировался, не желая смущать гостя.

Приступив к трапезе, Лев понял, что его последний собеседник – действительно повар высокого класса. Все было приготовлено отлично, гораздо лучше, чем в санатории.

Он как раз покончил с бифштексом и приступил к чаю, когда в коридоре послышались легкие шаги, дверь кухни открылась, и в нее вошла стройная девушка в топики и мини-юбке. Длинные загорелые ноги, белокурые волосы, синие глаза – все говорило о том, что перед Гуровым предстала близкая подруга Кривулина, топ-модель Татьяна.

– Ой, я думала, тут Леша, – воскликнула красавица. – Извините, что помешала.

– Ничего, вы мне нисколько не мешаете, – ответил Лев. – Полковник полиции Гуров, Лев Иванович. А вы, вероятно, Татьяна?

– Да, я Татьяна, – кивнула девушка.

– Присаживайтесь, Таня, нам надо побеседовать.

– Это об убийстве, да? Хорошо, я отвечу. Только я мало что могу сказать. Я вчера после ужина как села возле «сидюшника», так и не вставала. Настроение такое было – музыку слушать.

– Значит, после семи вы из комнаты не выходили, ничего не видели, ничего не слышали?

– Совершенно верно, – кивнула Татьяна. – Я и милиционеру так говорила. Так что ничем вам помочь не могу. Петю, конечно, очень жалко. Если бы я что знала, обязательно бы рассказала.

– А так, значит, никаких сведений?

– Ни-ка-ких, – раздельно, чтобы подчеркнуть верность сказанного, произнесла она и поднялась, собираясь выйти из кухни.

– Очень интересно... – протянул Гуров. – А мне только что один человек говорил, что видел, как вы вчера выходили из дома.

– Я? Выходила? Ну да, я в течение дня сто раз выхожу, что тут такого?

– Нет, не просто в течение дня. Этот человек видел, как вы вышли из дома в начале одиннадцатого. То есть в то самое время, когда Петр Тишкин вошел в кабинет Кривулина.

– Ну и что?! – воскликнула Татьяна. – Пусть даже я вышла, а он вошел, что с того? В огороде бузина, а в Киеве дядька! Какое отношение это имеет к убийству?

– Пока не знаю, – покачал головой Лев. – Может, и никакого. Важно то, что вы врете. Значит, вам есть что скрывать.

– Неправда! – Девушка кричала уже в полный голос. – Нечего мне скрывать! Я просто забыла! Может человек забыть?

– Может, может, – успокаивающе проговорил Гуров. – Не надо так волноваться. А теперь скажите, куда и зачем вы на самом деле выходили.

– Да куда. – Татьяна и в самом деле немного успокоилась и теперь старалась делать вид, что ничего особенного не произошло. – Просто мне стало душно... голова разболелась... Вот я и решила немного прогуляться.

– И где же вы гуляли?

– Ну где... В парке гуляла.

– В какой части парка?

– Во всех. Я везде гуляла.

– И никого не встретили?

– Нет, никого.

– Да, Танюша, вижу, что ваши проблемы намного серьезнее, чем вам кажется.

– Какие проблемы? – настороженно спросила она.

– Как какие? Все те же самые. Проблемы с памятью.

– Что вы хотите этим сказать? Почему с памятью?

– Потому что в это самое время, когда, как вы только что сказали, вышли на прогулку, в парке находились, по крайней мере, три человека, – ответил Гуров. – Это садовник Вишняков, управляющий Константин Чанба и охранник Борис Глушаков. Садовник убирал ветки, управляющий с кем-то беседовал – я еще не установил с кем, а Глушаков тоже куда-то шел. Вы могли с ними не встретиться – это я допускаю. Но не увидеть никого из них – нет, в это я поверить не могу.

При этих словах сыщика с подругой Кривулина случилась настоящая истерика.

– На что вы намекаете? С кем это я должна была встретиться?! – закричала она. – И если я даже и встречалась, к убийству это никакого отношения не имеет! Слышите – никакого отношения! Я просто гуляла, просто дышала воздухом! Это что – преступление? Скажите, это преступление?!

– И все-таки мне хотелось бы знать, с кем именно вы встречались, – твердо проговорил Лев.

Однако модель вновь овладела собой. Видимо, нервы у этой девушки были крепче, чем казалось на первый взгляд.

– Да ни с кем я не встречалась, – ответила она спокойным и даже веселым тоном. – Вы меня не поняли. Я сказала, что, если бы я даже с кем-то встретилась, это не имеет отношения к убийству. Предположение высказала. А на самом деле я просто прошла и вернулась домой. Но вы правы – я действительно кое-что забыла. Теперь, когда вы напомнили, я вспомнила, что и правда видела Александра Ермолаевича: он катил тележку с грудой листьев и травы. И Константина Семеновича видела – здесь, возле дома. Но только мельком и издали. А вот Глушакова не видела. Наверное, мы с ним разминулись.

– Ну вот, видите, как много можно вспомнить! – наставительно заметил Лев. – Возможно, при нашей следующей встрече вы сможете вспомнить еще больше.

– Может быть, – сказала девушка. – А сейчас я могу идти?

– Конечно, можете, – ответил Гуров. – Я вас несколько не задерживаю.

Глава 7

Расставшись с забывчивой и излишне нервной девушкой Татьяной, Гуров наконец допил чай и вышел из дома. В списке людей, с которыми он хотел сегодня побеседовать, остались трое: егерь Эльдар Муртазин, охранник Борис Глушаков и садовник Александр Вишняков. Вначале ему хотелось побеседовать с садовником или егерем и только потом – с Глушаковым. «Так, и где же мне их искать? – подумал он, оглядываясь. – Ни у егеря, ни у садовника кабинетов нет». И решил пройтись по парку – где-то там он мог рассчитывать встретить садовника Вишнякова.

И его надежды оправдались. Он прошел одну аллею, свернул в другую – и увидел человека в синем комбинезоне. Присев на корточки, тот пропалывал участок, на котором густо росли нежно-сиреневые цветы.

– Добрый день, Александр Ермолаевич! – приветствовал его Гуров.

Человек, не вставая, обернулся и внимательно посмотрел на сыщика. Затем произнес «добрый день» и снова вернулся к работе.

– Я полковник полиции Гуров, звать меня Лев Иванович. Егор Борисович Кривулин попросил меня принять участие в расследовании убийства Петра Тишкина. В связи с этим я расспрашиваю всех живущих в усадьбе. Вы не против, если я задам вам несколько вопросов?

– Хорошо, задавайте ваши вопросы, – согласился садовник, однако позы не изменил.

– Мне сказали, что обычно вы уходите домой после семи вечера, – начал сыщик. – Однако вчера вы почему-то задержались. Вас видели в парке около десяти часов. Можно узнать, почему вы так задержались? Для этого была какая-то особенная причина?

– Нет, никакой особой причины не было, – ответил садовник. – Просто работа накопилась.

– А какая именно работа, вы можете сказать? Что вы делали вчера такого срочного?

– Какая именно работа? – повторил Александр вопрос Гурова. – Что срочного? Почему же, могу сказать. Но лучше покажу, может, тогда вопросов меньше будет.

С этими словами он неожиданно легко поднялся и проворно двинулся вперед по аллее. Гуров последовал за ним, причем идти ему пришлось быстро. Они дошли до перекрестка с другой аллеей, повернули, поднялись по ступенькам и остановились перед группой пальм.

– Перед вами трахикарпус – типичный обитатель субтропиков, – начал объяснять Вишняков. Тонем лектора или экскурсовода в ботаническом саду. – Ее характерная черта – лохматый ствол, который придает пальме чрезвычайно живописный вид. Трахикарпус охотно растет на Черноморском побережье Кавказа, однако требует постоянного ухода. В частности, необходимо вовремя убирать лишние ветки, а также дикорастущие побеги и, разумеется, защищать ее от вредителей. На этом экземпляре мы можем видеть следы такого ухода. Вот, смотрите: это остатки срезанных веток. И срезаны они были не далее как вчера. А если приנוхаться, то можно уловить слабый запах ядохимикатов, которыми был опрыскан ствол для защиты от тли. А вот рядом совсем другая пальма – слоновья. Видите, какая красавица? Но этой красавице требуется регулярная подкормка. Вот вчера эту подкормку и вносили. Идем дальше.

И садовник вновь быстро двинулся вперед, а Гуров за ним. На этот раз они шли дольше и остановились перед высокими кустами, на которых росли крупные белые цветы. Гуров вспомнил, что видел такие кусты перед домом.

– А здесь у нас магнолия, – все тем же лекторским тоном произнес садовник. – Эта уроженка Северной Америки очень живописна, но тоже требует ухода. Например, на этих кустах давно не проводилась обрезка сухих и неправильно растущих веток. И вчера такая обрезка была сделана. Вот, можно видеть следы срезов. Хотите посмотреть?

– Нет, не хочу, – ответил Гуров. – Я понял: вы вчера были заняты обычной работой. Просто ее накопилось чуть больше, чем вы предполагали, поэтому пришлось задержаться. Я правильно все излагаю?

– Совершенно правильно, – кивнул Вишняков.

– Тогда я перейду к следующему вопросу. Я понял, что вечером вы работали в нескольких местах. Правильно?

– Да, в нескольких. Вот здесь, а еще в той аллее, где мы только что были, и еще в одном, ближе к морю.

– Но все эти места находились достаточно далеко от дома, верно?

– Ну, вот это место, где мы сейчас стоим, от дома не слишком далеко, но его отсюда не видно.

– Поэтому вы смело можете мне сказать, что никого не видели и ничего не слышали. И это будет выглядеть совершенно правдоподобно. Но я вижу, что вы человек чрезвычайно правдивый, более того – болезненно воспринимаете всякое подозрение во лжи. Поэтому я вас спрошу: видели ли вы кого-то из обитателей дома, начиная с семи вечера и до того времени, когда вы ушли из усадьбы?

Как видно, слова Гурова произвели впечатление на садовника. Он пытливо взглянул на него, немного подумал, потом сказал:

– Да, кое-кого я видел и слышал. Ну, прежде всего нашего управляющего, Константина Семеновича.

– Да, конечно, вы должны были его видеть, – согласился Гуров. – Ведь он ходил, проверял вашу работу...

– Работу проверял? – удивился Вишняков. – Это с какой стати он мою работу станет проверять? Никогда такого не бывало! Мою работу и сам Егор Борисович никогда не проверяет. Даже не спрашивает, что я там сделал. Я сам все решаю, иногда, конечно, с хозяином советуюсь, особенно в тех случаях, когда вложения требуются. Без его согласия я не рискую деньги тратить. Но Константин Семенович в мои дела никогда не лезет. И вчера он ко мне даже не подходил. Он в основном с Лешей-поваром беседовал.

– Во сколько это было? – заинтересовался Гуров.

– Да поздно уже, наверное, около десяти.

– Вы не путаете – управляющий беседовал именно с поваром? Может, он говорил с охранником?

– Да, у Леши с Борисом голоса немного похожи, – согласился Вишняков. – Но я людские голоса хорошо различаю. Так же хорошо, как и птичьи. Я птицами всю жизнь интересовался, все их трели знаю. Нет, ошибки быть не может, управляющий беседовал с Лешей, и ни с кем другим.

– И где проходил этот разговор?

– Совсем недалеко отсюда, вон за теми кустами. Они от дома метров пятьдесят отошли, так, чтобы их не видно было, и беседовали.

– И о чем же они разговаривали?

– Сначала о продуктах – какой расход, да не много ли уходит, и что надо купить срочно, а что подождет. А потом, слышу, другой разговор у них зашел. Константин Семенович начал Леше за что-то выговаривать. Очень сердито выговаривал, но почему-то вполголоса. Это на него вообще-то не похоже: Константин Семенович человек шумный. А тут такой разнос – и на полутонах.

– А за что был разнос, вы не слышали?

– Вроде бы за какие-то траты. Может, все те же, по хозяйству? А может, какие другие. Я ведь особо не вслушивался. Просто неподалеку на магнолии ветки обрезал, потом подкормку

вносил и, пока не ушел, слышал, как они ругаются. То есть Константин Семенович ругался, а Леша обещал исправиться и все заплатить.

– Заплатить? То есть он был должен деньги?

– Ну, вроде так. Но я мог неправильно понять... Лучше вы у них самих спросите.

– Хорошо, спрошу, – пообещал Гуров. – А кого еще вы видели?

– Понимаете, какая незадача, я вот сейчас начал вспоминать, и получается, что все, кого я вчера видел или слышал, вели себя как-то необычно. Константин Семенович почему-то делал выговор повару вполголоса. А егеря Эльдар зачем-то на ночь глядя гулял по парку.

– Вы видели егеря? Мне еще никто не говорил, что он вчера был здесь. Кстати, мне с ним тоже надо побеседовать. Где его можно найти?

– В том-то и дело, что Эльдара найти не так легко, – объяснил Вишняков. – Он, как и я, живет в поселке. Только мы с ним на разных концах – он на южном, ближе к Адлеру, а я на северном. В усадьбе бывает редко – когда они с Егором Борисовичем к охоте готовятся, или приезжает, чтобы о своих поисках отчитаться. А все остальное время проводит в горах, в лесу.

– И что он там делает, в лесу?

– Так я и говорю: поисками занимается. Где куропатки гнездятся, или ищет тропы, по которым косули на водопой ходят.

– Значит, ваш хозяин страстный охотник?

– Да, это у него главное увлечение, – подтвердил садовник. – Парк тоже, но это так, скорее для престижа или для гостей. Вообще, надо признать, Егор Борисович растениями не слишком интересуется. Другое дело – животные. Вот будете у него в кабинете – убедитесь. Там и чучела стоят, и ружья на стенах.

– Значит, егеря в усадьбе бывает редко, – резюмировал Гуров, возвращая беседу в прежнее русло. – Но что странного в том, что вы его вчера видели? Наверное, приехал рассказать о какой-нибудь кабарге или кабане.

– Да ничего бы странного не было, если бы Егор Борисович на месте был, – ответил Вишняков. – Но он ведь еще часов в шесть в Адлер уехал. Зачем же тогда приходить?

– Так Эльдар, наверное, не знал, что хозяина нет, – предположил Гуров.

– Видимо, не знал, – согласился Вишняков. – Только странно это. Егор Борисович ему разрешил себе на сотовый звонить. Из всех, кто тут живет, он только ему это разрешил. Ну, еще покойному Петру.

– А как же управляющий?

– Нет, Константину Семеновичу такого права не дали. Если у него какой вопрос возникал – он обращался к Тишкину. А тот или сам вопрос решал, или записывал и потом хозяина спрашивал.

– Ну, есть здесь, наверное, еще один человек, который может звонить Кривулину, – заметил Гуров. – Это Татьяна.

– Да, может быть, – сказал садовник. – Но я в их дела не вникаю. Это сфера личной жизни, меня она не касается.

– Хорошо, значит, вы вчера видели егеря Эльдара Муртазина и слышали разговор управляющего с поваром Алексеем, – резюмировал Гуров. – А больше никого?

– Больше... – Садовник подумал немного, потом исподлобья взглянул на сыщика и сказал: – У каждого ведь есть право на личную жизнь, верно? И если это никому не угрожает, я это право уважаю. Поэтому мой ответ такой: нет, никого больше я не видел.

– То есть я должен понимать ваш ответ так: вы кого-то видели, но не хотите говорить, потому что тут какие-то личные отношения, и вы уверены, что это не имеет отношения к убийству? – спросил Лев.

– В общем, правильно, – кивнул садовник.

– Ладно, пусть так. Но если у меня будет впечатление, что эти «личные отношения» все же как-то связаны с убийством, вам их придется раскрыть. И у меня есть еще один вопрос, уже не связанный напрямую с расследованием. Скажите, а кем вы были до того, как поступили на работу к Кривулину?

– А почему вас это интересует? – насторожился Вишняков.

– Просто вы меня заинтересовали, вот и все, – признался сыщик. – У меня сложилось впечатление, что вы не всю жизнь обрезали мимозы и вскапывали грядки.

– Да, вы угадали. Правда, не совсем. Мимозы я обрезал и раньше, только делал это, так сказать, в интересах науки. Я работал в местном филиале Тимирязевской академии, занимался изучением субтропической флоры. Кроме того, преподавал в Краснодарском университете. Ну, а когда прежняя жизнь рухнула... Сами знаете, что тогда случилось с наукой. Денег не стало, зарплату не платили... Все разбежались кто куда. Мои более молодые коллеги пошли или цветы выращивать и продавать, или стали агрономами у богатых фермеров. А я мыкался несколько лет, перебивался случайными заработками. А потом Егор Борисович задумал строить здесь виллу и создать при ней парк. Вот и пригласил меня в садовники.

– То есть весь этот парк высажен вашими руками?

– Ну, не только моими. Приглашали рабочих, конечно. Тут много чего надо было сделать. Но вся агрономическая работа – да, моя.

– Большое вам спасибо, Александр Ермолаевич, – поблагодарил Гуров. – Вы мне очень помогли. Что ж, теперь осталось только навеститься в поселок, нанести визит вашему егерю.

– Желаю успеха, – сказал на прощание садовник, и Лев направился к дому с намерением разыскать водителя – его услуги наконец потребовались сыщику.

Однако сразу уехать из усадьбы ему не удалось. Едва он прошел десяток метров, как увидел спешащего навстречу управляющего:

– Лев Иванович, дорогой, как хорошо, что я вас встретил!

– А что случилось?

– Да ничего не случилось, – заверил Чанба. – Просто Егор Борисович вернулся и хочет вас видеть. Вот, меня послал: «Найди, говорит, Льва Ивановича и пригласи в дом». Вот я вас и приглашаю.

Хозяин усадьбы встретил Гурова в гостиной.

– Ну, как прошел день, Лев Иванович? – спросил он. – Удалось вам что-то выяснить?

– В такого рода преступлениях за один день ничего не выяснишь, – ответил Лев. – Но кое-что полезное я узнал. Побеседовал со всеми вашими людьми, кроме егеря. Он, как оказалось, здесь бывает редко, так что собираюсь сейчас навеститься к нему домой. Ведь мне нужна полная картина, каждый кусочек должен встать на свое место. Да, кстати, насчет егеря. Ваш садовник только что мне рассказал, что видел Муртазина вчера вечером в усадьбе и очень удивился – что он здесь делает? Ведь вас здесь не было, и егерю это должно было быть известно. Вот я и вас хочу спросить: случайно не знаете, что вчера ваш егерь здесь делал?

– Случайно знаю, – сказал Кривулин. – Мы с ним накануне – то есть сейчас это уже позавчера – договорились встретиться. Мы регулярно проводим такие встречи, Эльдар мне рассказывает о своих походах в горы, что там нового, кого видел. Мы задумываем новые вылазки... Вот и вчера должна была состояться очередная такая встреча. Но вечером мне неожиданно позвонили из Адлера и попросили приехать, чтобы решить вопрос о поставках щебня. Для меня это, сами понимаете, гораздо важнее, чем охота, поэтому я начисто забыл о назначенной встрече с егерем и уехал. Так что он приехал напрасно. Еще какие-то вопросы есть?

– Да, есть еще один вопрос, – признался Гуров. – Он касается вашего водителя. Догадываетесь, что именно я хочу спросить?

– Да, догадываюсь, – кивнул строительный магнат. – Вас, наверное, удивило, что я пригласил на должность своего телохранителя человека с уголовным прошлым. Я угадал?

– Да, вы правы. Почему же вы так поступили?

– Понимаете, я пригляделся к этому человеку и понял, что, по сути, он человек честный, просто попал в дурную компанию. Мне стало его жалко и захотелось дать парню еще один шанс. Может, это и плохое объяснение, слишком примитивное, но другого у меня нет.

– Почему же плохое? – сказал Лев. – Вполне нормальное объяснение. Ну, а теперь мне осталось только одно: осмотреть место преступления. То есть ваш кабинет.

– Да, конечно! – воскликнул Кривулин. – Милости прошу!

Они поднялись на второй этаж, миновали несколько дверей. В конце коридора была еще одна дверь. Кривулин достал ключ, открыл ее и остановился, пропуская гостя вперед.

Гуров вошел и огляделся. Кабинет магната производил внушительное впечатление. Посередине стоял стол из мореного дуба, на котором находились несколько телефонов и компьютер новейшей модели. Возле стола, а также вдоль стен расположились несколько удобных кресел. Позади стола у стены виднелось несколько шкафов. В проеме между шкафами висела картина: написанный маслом портрет хозяина в полный рост. Егор Кривулин был изображен посреди осеннего леса, с ружьем за спиной, попирающим ногой убитого кабана. Всю правую стенку занимали ружья и карабины, а также охотничьи трофеи: на подставках стояли чучела кабарги, кабана, волка и лисы.

– Значит, Тишкин был убит здесь? – спросил Гуров.

– Да, он сидел за столом, – начал объяснять Кривулин. – Компьютер был включен, на экране остался почти законченный текст обращения, который Петр составлял.

– А веревка? Капитан Синичкин мне говорил, что здесь была найдена веревка, которой удушили вашего секретаря.

– Да, она лежала вот здесь, рядом с креслом.

– Вы не возражаете, если я немного осмотрюсь? – сказал Лев и, не дожидаясь ответа, прошелся по кабинету.

Он потрогал висящие на стене карабины, провел рукой по прикладу каждого из них. Потом подошел к шкафам, открыл один, другой... В одном стояли книги, в другом висела одежда: халаты, сорочки, несколько женских платьев. Этот второй шкаф сыщика особенно заинтересовал: он несколько раз открыл и закрыл створку, затем сдвинул одежду в сторону, присел на корточки и внимательно осмотрел дно шкафа. Хозяин кабинета застыл в ожидании, готовясь ответить на вопросы сыщика, но Гуров ни одного вопроса не задал. Покончив со шкафом, он подошел к окнам, осмотрел их. Затем сказал:

– Ну, пожалуй, на сегодня хватит. Все, что нужно, я увидел.

– Вы увидели какие-то следы? – взволнованно спросил Кривулин. – Нашли зацепки?

– Целую кучу зацепок. Теперь надо только в них разобраться. Немного поразмышлять – и разобраться.

– Конечно, размышляйте! – кивнул магнат. – Я приказал Чанбе – он сейчас временно заменяет горничную, – чтобы он приготовил вам комнату. Оставайтесь, заночуйте у меня. Конечно, сначала мы поужинаем...

– Нет, ночевать здесь я не собираюсь, – отказался Гуров, – вернусь к себе в санаторий. И ужинать тоже не буду. К тому же я не так давно поел – ваш повар меня по-царски угостил. Так что побеседую еще с вашим охранником – он остался единственным, кого я не опросил, а потом мне потребуется только одно – машина, чтобы вернуться.

– Да, конечно, Сергей вас отвезет, – заверил Кривулин. – Хотя я, по правде сказать, надеялся, что вы останетесь. С вами мне было бы спокойней...

– Если опасаетесь за свою жизнь, запирайте на ночь двери и возьмите с собой один из этих карабинов, – кивнул на стену Лев. – Или переезжайте в отель, в конце концов.

– Нет, я останусь здесь, – упрямо заявил Кривулин. – Я не стану бегать от убийц, как заяц. Но прежде чем уехать, скажите мне хотя бы вот что: как, по-вашему, кто совершил убийство – свой или чужой?

– Боюсь, что свой, – ответил Гуров. – Так что основания опасаться за свою жизнь у вас действительно имеются.

Глава 8

Выйдя из дома, Лев отправился в домик охранника. Борис Глушаков находился на своем рабочем месте. Это был атлетически сложенный парень с красивым лицом – хоть на обложку журнала помещай. Он сидел перед рядом экранов, на которых виднелись ворота усадьбы, забор в нескольких местах, пляж.

– Ну, как идет дежурство? – спросил Гуров.

Охранник, как видно, уже слышавший о нем, не удивился появлению незнакомого человека.

– Все нормально, – улыбнулся он сыщику. – Посторонних нет.

– Это хорошо, что нет. Давай расскажи, что ты делал вчера, начиная с шести вечера и до полуночи.

– Да то же самое, что всегда, – ответил охранник. – До семи сидел здесь, в будке. Потом Константин Семенович меня подменил, и я сходил искупаться, потом поужинал. И снова здесь сидел. Включил телевизор – там как раз шоу прикольное передавали. Да, ко мне еще Эльдар зашел, наш егерь. Мы вместе сидели, «ящик» смотрели. А потом шоу кончилось, и Эльдар к себе домой уехал. Как раз в это время Константин Семенович собак выпустил. Когда собак выпускают, я могу идти спать. Ну, я и пошел.

– А кто ночью охраняет усадьбу? – спросил Гуров. – Второй охранник у вас есть?

– Нет, второго нет, – покачал головой Глушаков. – Это, конечно, неудобно, сижу здесь, как привязанный, ни в поселок нельзя сходить, ни еще куда. Вот даже искупаться, и то надо подмену искать.

– А кто тебя обычно подменяет?

– Иногда Константин Семенович, иногда Сергей, наш водитель.

– А егерь часто к тебе заходит телевизор посмотреть?

– Эльдар? Да нет, не очень. Я даже не помню, когда такое в последний раз было.

– А до какого времени собаки охраняют территорию?

– Всю ночь. Утром, в семь часов, их обратно в вольер запирают.

– А кто это делает – тоже управляющий?

– Нет, он обычно только к восьми-к девяти приезжает. Это я делаю. Зову их, кормлю, потом запираю вольер. Они только меня да его признают.

– Вчера, пока вы с егерем смотрели телевизор, ты никуда не выходил?

– Как же я выйду? – удивился Глушаков. – Я же вам говорю – без подмены я никуда не выхожу.

– А потом, когда уже собак выпустили и твоя смена закончилась?

– Тогда я пошел в дом и лег спать, – ответил охранник.

– Подумай хорошенько, – предложил Гуров, – а то потом, на очной ставке, неудобно получится.

– На какой очной ставке? – насторожился Глушаков.

– На обыкновенной, – объяснил сыщик. – Их обычно делают, когда человек дает ложные показания. А ты именно этим сейчас занимаешься. Дело в том, что несколько человек видели тебя после десяти часов. Ты куда-то шел по территории парка.

– Да, верно, я и забыл! – воскликнул охранник. – Мне показалось, что вон на том экране, – он показал на экран, находившийся слева, – появился какой-то человек, стоял около забора. Я пошел поглядеть, но когда дошел туда, там никого не было.

– Человек был уже на территории усадьбы? – уточнил Гуров.

– Нет, он стоял с той стороны.

– А кто это был, ты не заметил? Мужчина, женщина? Какого роста?

- Нет, не заметил, – покачал головой Глушаков. – Темно уже было.
- Значит, ты дошел до забора, убедился, что там никого нет, и вернулся в дежурку?
- Нет, зачем возвращаться? Мое дежурство уже закончилось. Я спать пошел.
- И ни с кем не встречался?
- Нет, ни с кем, – уверенно ответил охранник.
- Ладно, у меня пока все, – сказал Гуров, поднимаясь. – Если надо будет, еще спрошу.

Из дежурки он направился к гаражу, надеясь найти там обещанную Кривулиным машину. Действительно, она была там, и Сергей уже ждал его. Гуров сел, машина выехала за ворота и, набирая скорость, помчалась в сторону поселка.

- Вас куда доставить, в санаторий? – спросил водитель.
- Нет, сначала заедем в поселок, навестим вашего егеря. Ты ведь знаешь, где он живет?
- Знаю, конечно.
- Вот туда и поедем, – распорядился сыщик.

Они миновали поворот на санаторий, проехали центр поселка и только в самом конце Сергей остановил машину возле одного из домов. Гуров вышел и оглядел жилище егеря Муртазина. Дом был похож на постройки, которые дети возводят из кубиков и других подручных материалов. Когда-то он был одноэтажным и небольшим, но затем к нему постепенно пристраивали все новые и новые части. Так дом получил второй этаж, два флигеля и веранду. В данный момент веранда была занята семейством, явно не относившимся к числу обитателей Черноморского побережья. Во дворе висело множество разного белья. В общем, было легко догадаться, что егерь, как и большинство жителей побережья, сдает часть дома курортникам.

– Где мне хозяина найти? – спросил Лев у женщины, которая что-то готовила на электроплитке, стоявшей на веранде.

– Вон там, вокруг дома обойдите, там будет дверь, – объяснила она. – Только если вы хотите комнату снять, то ничего не получится: у них все уже занято.

– Нет, комната мне не нужна, – ответил Гуров.

Следуя указаниям женщины, он обогнул дом и увидел душевой павильон, несколько сараев. У задней стены дома имелась небольшая пристройка, в нее вела отдельная дверь. «Ага, значит, сюда егерь перебирается на лето, – догадался Лев, а весь остальной дом сдает. Как же они всем семейством уместятся в такой крохотной пристройке? Там же небось всего одна комната?»

Он постучал в дверь. Не получив ответа, постучал еще раз, посильнее. Дверь открылась, и на пороге появилась женщина лет тридцати. Она была красива: большие черные глаза, правильное лицо, длинные черные волосы. Пожалуй, ее можно было бы даже назвать настоящей красавицей, если бы не жесткое и настороженное выражение лица.

– Я из полиции, ищу Эльдара Муртазина, – объяснил Гуров цель своего визита. – Он здесь живет?

– Да, здесь, – ответила женщина. – Только его сейчас нет. В горы ушел, дичь смотреть.

– А когда его можно увидеть? Когда он дома бывает?

– Да редко бывает. Утром встанет – в горы пошел. И весь день в горах. Или в усадьбе, у Егора Борисыча. Вы его спросите.

– Да я только что с ним расстался, – сказал Лев. – Ладно, в следующий раз попрошу Кривулина, чтобы он организовал нашу встречу.

– А что случилось-то? – поинтересовалась женщина. – Почему Эльдаром полиция интересуется? Может, вас охота интересует? Это мы можем, все сделаем...

– Нет, охота меня не интересует. Я хотел видеть вашего мужа, потому что я расследую убийство, совершенное на вилле «Аркадия». Я правильно понял – ведь вы жена Муртазина?

– Да, меня Равия зовут. А что за убийство такое?

Гуров очень удивился. Впервые в этот день он столкнулся с человеком, который не знал о совершенном преступлении.

– Разве муж вам ничего не говорил?

– Нет, ничего, – ответила Равия. – А кого убили-то?

– Петра Тишкина, он секретарем у Кривулина работал.

– Вон как... И когда это убийство случилось?

– Вчера вечером, даже ночью, – объяснил Лев.

– Ну, так Эльдар и сам об этом ничего не знает, – сказала женщина. – Он вчера из усадьбы вернулся и сразу спать лег. А утром в горы ушел. Так что он, скорее всего, ничего не знает, если только знакомого из поселка не встретит и тот не расскажет. В поселке-то, поди, уже всем известно об этом.

– В поселке знают, а вы нет, – заметил Гуров, – хотя муж на вилле работает. Странно как-то, а?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.